

Сюэ Ян никогда не показывал слабости перед другими и не просил пощады. Он выживал с невероятной силой, используя любые средства — обман, воровство, что угодно. Когда он стал старше, он не моргал глазом, чтобы убить или поджечь ради достижения своей цели. Такой человек, как он, не имел не только искренних друзей, но даже тех, кто бы согласился пройти с ним часть пути.

Теперь же слова Вэй Усяня внезапно пробудили в Сюэ Яне сильное чувство: этот человек действительно заботился о нём, и с этого момента больше никто не будет относиться к нему с такой искренностью, как Вэй Усянь.

Голос в его сердце настойчиво требовал, чтобы он крепко держался за этого человека.

Вэй Усянь должен принадлежать только Сюэ Яну.

Когда эта мысль возникла в его голове, Сюэ Ян с удивлением осознал, что он уже давно влюблён.

Человек в его объятиях всё ещё бредил, умоляя Сюэ Яна простить его. Сюэ Ян наклонился, прикоснулся щекой к лицу Вэй Усяня и нежно прошептал:

— Асянь, ты хочешь, чтобы я тебя простил?

Вэй Усянь был в таком бреду, что не мог понять скрытого смысла слов Сюэ Яна. Он медленно выдохнул и кивнул:

— Хочу...

Сюэ Ян приблизился к его уху, и его тихий голос звучал с явным намёком:

— С этого момента ты будешь принадлежать только мне, и я тебя прощу.

Вэй Усянь, казалось, не понимал, что сказал Сюэ Ян, но слово «простить» проникло в его сердце. В его спутанном сознании не было ясности, и он просто кивнул, следуя своим чувствам:

— ...Хорошо.

Сюэ Ян был вне себя от радости. Сладость, разлившаяся в его сердце, была сильнее, чем от десяти порций винных шариков. Огромное чувство удовлетворения переполняло его, и он, не сдерживая своих чувств, поцеловал волосы Вэй Усяня у его уха:

— Ты согласился, теперь ты принадлежишь только мне, не смей нарушать обещание.

Когда Вэй Усянь проснулся, прошёл уже целый день. Солнечный свет, проникающий в пещеру, словно золотой дождь, разгонял сырость внутри.

Он потрогал свои раны, которые были тщательно обработаны и перевязаны, и понял, что на нём только нижнее бельё, а несколько сухих одежд висели на камнях неподалёку.

Вэй Усянь собирался встать, когда увидел, что рядом с ним лежит человек. Опустив взгляд, он узнал Сюэ Яна.

Даже несмотря на то, что уже наступил день, Сюэ Ян всё ещё крепко спал. Без своей обычной дерзости и жестокости его всё ещё юное лицо выглядело чистым и радостным.

Воспоминания о вчерашнем дне внезапно нахлынули на Вэй Усяня.

Он помнил, как Сюэ Ян нашёл его в пещере холодного озера, как нёс его на спине, как нашёл эту пещеру и обработал все его раны. Он помнил, как Сюэ Ян обнимал его, когда он дрожал от холода, и как в бреду он просил прощения за то, что когда-то ушёл без предупреждения...

Не все детали того дня и ночи были ясны, но последние слова Сюэ Яна неожиданно засели в его памяти.

Он сказал: «С этого момента ты будешь принадлежать только мне, и я тебя прощу».

Что он ответил тогда? Вэй Усянь действительно не мог вспомнить.

Он хотел схватиться за голову.

Зная характер Сюэ Яна, и учитывая ситуацию, он, скорее всего, согласился.

Тихо вздохнув, Вэй Усянь почувствовал, как ему стало стыдно.

Обещать что-то Сюэ Яну было не так страшно, но самое ужасное — это то, как он цеплялся за него, капризничал и вёл себя как ребёнок. Хотя это было из-за болезни и спутанного сознания, но его мягкие слова и манеры были просто...

Вэй Усянь не хотел больше вспоминать об этом, и его лицо, только что остывшее после лихорадки, снова покраснело от стыда.

Пока Вэй Усянь ругал себя в душе, Сюэ Ян открыл глаза и, увидев его сидящим рядом, радостно спросил:

— Вэй Усянь, тебе лучше?

— Гораздо лучше, — Вэй Усянь протянул руку, чтобы погладить Сюэ Яна по голове, но вместо этого его пальцы опустились на ухо, и он, улыбаясь, сказал:

— Спасибо, Аян, что нашёл меня и заботился обо мне. Благодаря тебе я так быстро поправился.

— Конечно, — Сюэ Ян не стал скромничать, встал, взял свою одежду и накинул её, затем бросил Вэй Усяню его вещи:

— Я заботился о тебе целый день и ночь, а я, между прочим, никогда ни о ком не заботился. Даже когда сам болел, я просто находил какие-то травы и принимал их как попало.

— Большое спасибо, — Вэй Усянь надел одежду, затянул пояс и сказал:

— Мы ведь уже так близки, ты же не станешь требовать от меня благодарности?

— Чувшь, конечно, стану! — Сюэ Ян сверкнул глазами, его улыбка была полна гордости:

— Я редко за кем-то ухаживаю, и уж тем более так хорошо. Не получить что-то взамен — это просто несправедливо.

— И что ты хочешь? — спросил Вэй Усянь.

Сюэ Ян собирался ответить, как вдруг услышал крики:

— ...Вэй Усянь—, Вэй Усянь—!

Это был Цзян Чэн, который привёл людей на поиски.

Лицо Сюэ Яна сразу омрачилось, и он с досадой отвернулся.

Как же вовремя они пришли. Ни раньше, ни позже, а именно когда Вэй Усянь поправился.

— Пойдём, — Вэй Усянь подошёл к нему:

— Наверное, нас уже давно ищут. Если мы не выйдем, Цзян Чэн и остальные начнут паниковать.

— Они тебя давно ищут, — Сюэ Ян лениво поправил:

— Но не меня.

Они вышли из пещеры, и Вэй Усянь, с трудом двигаясь, взобрался на большой камень, чтобы осмотреться. Увидев приближающихся людей, он помахал рукой:

— Цзян Чэн, я здесь!

Цзян Чэн и группа учеников клана Цзян искали их с прошлой ночи, и он действительно волновался, что с Вэй Усянем могло случиться что-то плохое. Наконец найдя его, он обрадовался, но, увидев за ним Сюэ Яна, его лицо сразу же помрачнело. Он замедлил шаг и, подойдя, ударил Вэй Усяня по плечу:

— Ну что, ещё жив?

Вэй Усянь вздрогнул от боли в ране:

— Эй, Цзян Чэн, ты мог бы быть поаккуратнее. Я ещё не умер, но ты меня добьёшь.

— Ты несколько дней провёл в пещере холодного озера и не умер, так что от моего удара ты не умрёшь, — Цзян Чэн раздражённо ответил, затем сменил тему:

— Сейчас ситуация между пятью великими кланами очень напряжённая. Облачные Глубины сожжены, Нечистая Юдоль вынуждена подчиниться, а Башня Золотого Цилиня должна ежемесячно платить дань. Мы слишком долго отсутствовали и не знаем, что сейчас происходит в Пристани Лотоса. Раз с тобой всё в порядке, давай скорее вернёмся в Юньмэн!

Вэй Усянь кивнул, но, сделав шаг, вдруг вспомнил что-то и обернулся к Сюэ Яну:

— Сюэ Ян, пойдём со мной в Пристань Лотоса.

Цзян Чэн сразу же разозлился, нахмурившись:

— Вэй Усянь, ты что, без этого человека не можешь жить?

Вэй Усянь повернулся к нему, недовольный:

— Цзян Чэн, ты можешь говорить помягче? Не надо быть таким грубым.

— Я грубый, а ты что, не выглядишь глупо? — Цзян Чэн взорвался:

— Всё в округе уже обсуждают, что Сюэ Ян взял четвёртый кусок Тёмного железа, что он потомок еретического предка Сюэ Чунхая, и что Вэнь Жохань держит его на горе Цишань для создания Лютых мертвецов. Я не против, что ты с ним общаешься, но привести его в Пристань Лотоса — это уже перебор! Ты сам не ценишь свою жизнь, но не губи весь наш клан.

— Цзян Чэн! — Вэй Усянь разозлился из-за его слов, его лицо стало мрачным:

— Ты же знаешь, что слухи не всегда правдивы. Ты же был на горе Цишань, ты знаешь, что там делал Сюэ Ян.

— Знаю я или нет — это не важно. Важно, что знают другие, — Цзян Чэн повысил голос:

— Вэнь Жохань уже смотрит на Юньмэн с вожделием. Если ты приведёшь его, ты дашь Вэнь Жоханю повод уничтожить Юньмэн!

Вэй Усянь был так зол, что у него в груди всё перевернулось, но он не мог просто ударить Цзян Чэна. Сдерживая гнев, он сказал:

— Цзян Чэн, то, что Вэнь Жохань хочет уничтожить Пристань Лотоса, не имеет никакого отношения к Сюэ Яну.

Цзян Чэн собирался ответить, но Сюэ Ян, скрестив руки на груди, покачал головой:

— Вы, ребята, просто тратите время на споры. Лучше скорее вернитесь и посмотрите, что там происходит.

Затем он повернулся к Цзян Чэну с насмешливой улыбкой:

— Не волнуйся, я не пойду в Пристань Лотоса.

Вэй Усянь удивился и сделал несколько шагов назад:

— Почему?

Вспомнив о том, что Сюэ Ян когда-то планировал, он с подозрением спросил:

— Ты всё ещё хочешь уничтожить Храм Белого Снега?

Сюэ Ян безразлично ответил:

— Вэй Усянь, если бы я мог, я бы не хотел, чтобы ты возвращался в Пристань Лотоса. Но я не могу тебя контролировать. Это место, где ты вырос, а не я. Какая-то там Пристань Лотоса или Храм Лотоса — мне всё равно.

— Тогда ты...